

Мы и Христос

4 апреля православные и католики отмечают праздник Пасхи.

Светлое Христово Воскресение - величайший из всех христианских праздников, "торжество из торжеств", которым завершался семинедельный Великий пост. С праздником Пасхи связывалось множество поверий, преданий, легенд, обычаев и обрядов. Считалось, например, что с первого дня Светлой пасхальной недели вплоть до Вознесения сам Христос в сопровождении апостолов ходит по земле, и при этом небесные странники выглядят как простые нищие; странствуя, они испытывают людское милосердие, награждают добрых и великодушных людей и наказывают злых. Существовало также поверье, что на Пасху солнце "играет", радуясь воскрешению Христа, а враг рода человеческого (Сатана) лежит в аду ничком, не шелохнется всю Святуго неделю до самого Вознесения.

К Пасхе начинали готовиться заранее, еще на Страстной неделе, последней неделе Великого поста. В течение всей этой седмицы во всех домах трудились, не покладая рук: женщины и девушки белили печи, мыли и скоблили столы, лавки и полы, вытирали мокрыми тряпками пыльные стены, обметали паутину, перемывали всю домашнюю утварь и вообще вычищали всю грязь, накопившуюся в доме; мужики же, также с первых дней недели, заготавливали дрова для пасхального костра, а также хлеб и корм для всей скотины на всю Светлую седмицу, чтобы потом в праздник не приходилось хлопотать и все было бы под рукой. Разгар всех этих работ приходился обычно на Чистый четверг, в который, по народному выражению, "даже ворона своих воронят в луже моет"; в этот день все обязательно парились в банях для красоты, здоровья и для того, чтобы быть чистыми весь год, а хозяйки особенно тщательно чистили и украшали избы и мыли маленьких детей, а иногда даже поросят, полагая, что в этом случае "весь год чистота в избе водиться будет". С теми же представлениями о "магии первого дня" был связан обычай приурочивать к Чистому четвергу забой скота, предназначенного для праздничного стола: считалось, что сам "Чистый четверг, угодник Божий", сохранит мясо от порчи, в особенности если к нему обратиться с молитвой: "Чистый четверг, от червей и от всякого гада сохрани и помилуй на долгое время".

Покончив с убранством избы, бабы обычно приступали к стряпне. На Пасху, по народному убеждению, следовало сделать самый богатый, какой только можно, стол, поэтому каждая хозяйка старалась наготовить как можно больше лучшего угощения; при этом некоторые из этих приготовленных к празднику блюд (например, куличи и т.п.) обычно освящали в церкви накануне праздника или в первый день Пасхи.

В богатых домах к Пасхе обычно жарили и варили мясо (например, запекали поросят), красили и расписывали пасхальные яйца, а также пекли специальный сдобный пасхальный хлеб с миндалем или изюмом,

называемый в одних местах пасхой, пасхой, а в других куличом. В бедных домах стол, конечно, был беднее, но и к нему обязательно пекли или покупали куличи или булки (обычно простые, без всякой сдобы) и красили яйца. При этом, как правило, на Пасху принято было помогать бедным семьям, не имеющим средств для того, чтобы должным образом отпраздновать великий день: богатые соседи (а тем более родственники) следили, чтобы Светлый праздник не омрачался “голодными разговинами”, и в Страстную пятницу многие бабы из состоятельных семей разносили по домам бедняков всякие припасы - молоко, яйца, творог, куличи, а то и куски мяса (хотя это делалось редко и втайне от мужчин, так как в деревнях мясом распорядился, как правило, мужик, и бабы обычно не смели без спросу подступиться к нему). Мужики среднего достатка к помощи богатых соседней обычно не прибегали, однако при этом редко обходились без займов и обычно старались продать что-нибудь (дрова, сено, мятую пеньку и проч.), чтобы раздобыть денег и к светлому празднику купить четверть или полведра водки, пшеничной муки для лапши и стряпни и пшена на кашу; кроме того, следовало “купить Богу” масла и свечей, а также заплатить попам, поэтому вырученные деньги расходовались очень бережно.

Все эти хозяйственные хлопоты заканчивались обычно к вечеру Великой субботы, когда народ собирался в церкви на чтение “страстей”. Читать “страсти” почиталось за честь; а так как чтец перед лицом всего народа должен был засвидетельствовать свою грамотность, читать чаще всего приглашали какого-нибудь благочестивого старика. Такое чтение нередко бывало монотонным и заунывным, поэтому часто случалось так, что слушающие, вначале собравшиеся около чтеца, затем разбрелись по церкви, молились где-нибудь в углу, ставили свечку Пресвятой Богородице (или святой Плащанице, которая, по народному убеждению, и есть Мать Божия) или даже просто присаживались где-нибудь в притворе и дремали (хотя это и осуждалось церковью, полагавшей, что спать в церкви, да еще в Великую ночь, есть большое неуважение к церковному богослужению). Кроме того, многие прихожане отправлялись украшать храм, и во многих местах всю пасхальную ночь около церковной ограды толпились народ: расставлялись смоляные бочки, притовлялись костры; мальчишки бегали по колокольне и расставляли фонари и плошки, а самые смелые мужики и парни даже залезали на купол церкви, чтобы осветить и его. Когда все эти фонари расставляли по местам, их зажигали, и вся церковь освещалась огнями. При этом огни иногда зажигали не только возле церкви: в некоторых местах, знаменуя победу света над тьмой и смертью, во время Светлой заутрени костры возжигали по холмам вокруг села, а также жгли всю Светлую ночь по площадям смоляные бочки, а после собирали уголья от них и хранили в течение года вместе со свечами, с которыми стояли заутреню; считалось, что эти уголья, положенные под застрехи крыш, как и пасхальные свечи, защищают двор от грозы.

Собственно пасхальные торжества начинались обычно с крестного хода, когда процессия прихожан во главе со священнослужителями выходила из церкви и обходила ее, возвращаясь к церковному порогу; здесь священник объявлял о Воскресении Христовом, после чего вся народная толпа вновь устремлялась в церковь. На подобное торжество народ собирался не только со всего села, но и приходил из ближайших деревень; при этом проспав пасхальную службу во многих местах считалось непростительным грехом, и многие даже верили, что человек, проспавший пасхальную утреню, весь год будет неудачлив (таких людей “во искупление” на следующий день купали или обливали водой).

Пасхальная утреня начинала служить в церкви сразу после крестного хода. При этом, как правило, народ, возвращаясь в церковь, стремился как можно быстрее попасть внутрь, поэтому немедленно образовывалась толча, а особенно сильная давка начиналась у иконостаса и около церковных стен, где “пасочники” расставляли принесенные для освящения куличи, яйца и всякую пасхальную снедь. После того, как отходила утреня, ровно в полдень, во многих местах, по приказанию ктитора, в ограде принимались палить из пушек или ружей, а все присутствующие в церкви осеяли себя крестным знаменем, и под звон колоколов раздавалось первое “Христос Воскресе”. С этого момента начинался обряд христосования: в алтаре христосовался причт, а в церкви прихожане; затем причт начинал христосоваться с наиболее уважаемыми крестьянами и обмениваться с ними яйцами (что весьма ценилось народом, свято верившим, что яйцо, полученное от священника, никогда не испортится).

После окончания литургии все “пасочники”, держа на руках скатерти с куличами и установленными на них горящими свечами, выходили из церкви и, с обнаженными головами, строились в два ряда в ограде, ожидая причта, который в это время в алтаре освящал пасхи наиболее зажиточных и чтимых прихожан. Освятив пасхи, причт, со священником во главе, выходил наружу и с молитвой обходил ряды, окропляя куличи святой водой, за что ему в чашу швыряли гривны и пятаки.

После освящения пасхи каждый хозяин или хозяйка считали своим долгом прямо из церкви, не заходя домой, отправиться на кладбище, чтобы там известить умерших родственников о Воскресении Христа и похристосоваться с ними. Так, например, крестьяне многих губерний, сразу после освящения куличей, шли на кладбище, где находили родные могилки, отвешивали на них земные поклоны “родителям”, целовали землю и

поздравляли покойных со Светлым праздником, а также обязательно оставляли на могилке кусок кулича и творогу “для родителей”, прежде чем отправиться домой христосоваться и разговляться с домочадцами.

Пасхальный завтрак обычно проходил в узком семейном кругу, так как ходить в гости в первый день Пасхи было неприято. К разговлению матери всегда будили и маленьких детей: “Вставай, деточка, подымайся, нам Боженька пасочки дал”. За столом отец разрезал пасху на куски, крошил мясо или баранину, а также освященные яйца и оделял всех домочадцев (в благочестивых семьях при этом нередко крестились, целовали освященную пищу и шептали: “Слава тебе, Господи, пришлось разговеться нам”). Первое пасхальное яйцо часто съедали всей семьей, разделив его по числу домочадцев; в этот день обычно также “молили паску”, то есть обменивались кусочками кулича или ели его сообща, разрезав на мелкие кусочки (так поступали не только домашние, но даже священник и причт). Во время завтрака же домочадцы христосовались между собой и обменивались яйцами; при этом дети с родителями христосовались трижды, и только с женами целоваться при всех считалось неприличным.

С первого же дня Пасхи, на протяжении всей Светлой седмицы, в деревнях обязательно служили пасхальные молебны. При этом принято было, чтобы священники в сопровождении причта и “богоносцев”, называемых еще “оброшниками и оброшницами”, обходили с иконами все дома в селе и служили пасхальные молебны в каждом дворе. “Оброшники” выбирались обычно из наиболее благочестивых стариков и старух, давших обет всю Пасхальную неделю “ходить под Богами” или желающих своим усердием вымолить у Бога какую-нибудь милость (например, чтобы перестала трясти лихорадка, чтобы сына не взяли в солдаты, чтобы муж не пьянствовал и т.д.). Все оброшники, прежде чем приступить к своему делу, обязательно испрашивали благословения священника (“Благослови, батюшка, под Богов стать”), и только после получения разрешения принимались за свои обязанности: один из них нес свечи для продажи, другой кружку, в которую собирались деньги “на Божью Матерь”, третий - другую кружку, куда причт складывал весь свой доход (предварительно записав его на бумаге), а четвертый нес кадило и подкладывал ладан (обязанность этого последнего оброшника в народе считалась самой почетной, и в редком доме ему не подносили водки и т.п.). Все оброшники подпоясывались белыми полотенцами, а оброшницы, кроме того, повязывались белыми платками (в память святых жен мироносиц, которые, по народному уюждению, были также покрыты белым).

Когда все “богоносцы” выстраивались у церкви, появлялся священник в облачении, и вся процессия, с пением: “Христос Воскресе”, под колокольный звон, отправлялась в первый, ближайший к храму двор. К этому времени хозяйка дома зажигали свечи перед “домашними Богами” (т.е. перед иконами), покрывали стол белой скатертью, на скатерть клали ковригу или две хлеба, а под угол скатерти насыпали горсть соли (ее по окончании богослужения считали целебной и давали скоту от болезней). Домохозяин без шапки (иногда - с тщательно прилизанной и умщенной головой) выходил навстречу “богам”, а какая-нибудь “молодайка” при этом с пеленою в руках “сутречала” на пороге избы Божью Матерь и, приняв икону, все время держала ее на руках, пока духовенство служило молебен. Во время этого молебна мужики обычно очень строго следили и считали, сколько раз пропели “Иисусе, Сыне Божий”, и если насчитывали меньше 12-ти раз, то хозяин при расчете непременно упрекал священника: “Ты, папаша, только деньги с нашего брата брать любишь, а сполна не вычитываешь” (при этом, однако, к чтению кондаков в народе относились довольно равнодушно, и если священник не дочитывал до конца каждый кондак, то хозяйка относились к нему снисходительно: “Ведь и язык прибрешешь - в каждом дворе одно и то же”).

Кроме молебна в избе, многие хозяйка просили отслужить еще и молебен на дворе, в честь святых, покровительствующих домашним животным. Вообще, таких святых было довольно много. Так, например, покровителями птиц считались сорок мучеников севастиийских, а также свв. Кузьма и Демьян (для кур), Сергей Радонежский (для домашней птицы) и Никита-мученик (для гусей); покровителями пчел слыли Зосима и Савватий соловецкие; оберегателями скота считались св. Власий, св. Георгий Победоносец, св. Афанасий и Кирилл (преимущественно для рабочего скота), св. Анисим (для овец), свв. Флор и Лавр (для лошадей), св. Мамонт (для овец) и т.д.

Для молебнов, производившихся на дворе, хозяйка дома заранее ставили прямо посреди двора столы, накрытые скатертями, и клали на них специальную “скотскую” пасху, предназначенную для домашних животных. После молебна эта пасха разрезалась на мелкие кусочки и скармливалась домашним животным и птицам, а скатерть, на которой стояла пасха, псаломщик, по просьбе баб, подбрасывал вверх (считалось, что чем выше он подбросит ее, тем выше уродится лен).

В некоторых случаях богатые хозяйка заказывали молебен с водосвятием; тогда священники освящали воду в колодце, и этой водой матери старались умыть детей, а затем вытереть их полотенцем или концом холста, которое затем “вешали на Божью Матерь”, т.е. жертвовали на церковь. Кроме того, при водосвятных молебнах многие крестьяне снимали с себя кресты и погружали их в освященную воду, а затем спускали эту воду прямо

в рот или на глаза. При этом многие старухи не ограничивались этим, а брали венчик, которым кропил священник, и обрызгивали те места на своем теле, где чувствовали боль, но прежде всего брызгали “в пазуху”; молодичи же, кормящие детей, обмывали святой водой грудь, чтобы было больше молока и чтобы защититься от сглаза.

Иногда особенно благочестивые крестьяне не ограничивались молебном с водосвятием, а просили отслужить еще и акафист таким святым, которых в действительности не существовало, например, “Плакущей Божией Матери” (чтобы самому не плакать), “Невидимой Богоматери”, “Великой Пятнице”, “Воздвиженской Пятнице” (прогоняет нечистых духов и колдовство), “Святой Субботе”, “Святому Средокрестию” и проч. Священники, разумеется, отказывались служить молебны таким несуществующим святым, но к таким отказам некоторые мужики относились неодобрительно, и даже укоряли священника: “Ой, смотри, батя, грех-то на тебе будет, коли ты Матушку Плакующую забыл”.

По окончании молебнов в доме и во дворе наиболее благочестивые крестьяне просили священника благословить их “повеличать Вуспение Божью Матушку”, и если священник давал благословение, пели следующую молитву: “О девица, Твое Успение славим, прими наше хваление и подаждь нам радование, о предстоящих со слезами, о Мати, молись с нами, будь похвальна и избрана ты, Царица Небесная”. По окончании этого песнопения иконы выносили со двора, причем матери клали в воротах детей для исцеления от болезней, а взрослые только нагибались, чтобы над ними пронесли образа.

Но перед тем, как священная процессия покидала двор, хозяева расплачивались со священником и пр.: их угощали, оделяли их деньгами и т.д. Правда, некоторые хозяева нередко старались недодать обещанную сумму (например, если молебен стоил рубль, хозяин при расчете давал только 80 копеек, а когда причт начинал спорить, прибавлял гривенник, потом еще пятак, а пятак все-таки недодавал). Поэтому некоторые священники при расчете заходили в дом, садились на лавку и, не снимая облачения, ждали, пока им не отдавали все деньги сполна, а также и “весь остальной доход” - хлеб, яйца и лепешки. Однако платить за молебен отказывались все-таки очень немногие; в большинстве же случаев прихожане исправно оплачивали работу священника, а оброшникам подносили водки. Такие радушные приемы даже нередко имели печальные последствия. Так, например, некоторые оброшники, не устоявшие перед радушием хозяев, вскоре совершенно пьянели, чем и приводили священника в искреннее негодование: они хватили и несли образа без всякого благословения, иногда даже сложив вместе, как обычные доски, и ставили их с размаху, роняли кадило, рассыпая угли, и т.д., а к вечеру обычно напивались до того, что падали где-нибудь в сених, а то и просто на улице, где и засыпали (при этом деревенская молодежь нередко подшучивала над ними, например обливала их чем-нибудь или надевала на них женское платье).

Хожение с иконами и молебны продолжалось по всем дворам до самого вечера первого дня Пасхи. На ночь (как на эту, так и на последующие) иконы обычно относили на хранение в дом какого-нибудь зажиточного и всеми уважаемого человека, который нередко сам напрашивался на эту честь - приходил к священнику и просил: “Батюшка, отпусти ко мне Богородицу ночевать”. При этом в помещении, где хранились иконы, прихожане часто сами устраивали нечто вроде всенощного бдения: старухи со всей деревни, богомольные мужики и девушки, вымаливающие себе хороших женихов, собирались в комнату с иконами, где зажигали свечи и всю ночь коленапреклоненно молились Богу и пели молитвы. В древности в это же помещение приносили “кануннички” - маленькие кувшинчики с медом, которые вместе с большими свечами ставились на стол перед образами для поминовения умерших (бабы при этом “рассуждали так, что, все, мол, главные боги (образа) здесь налицо, и если им зажечь по свечке каждому, то они сразу как начнут молиться за покойничка, так уж непременно вымолят для него у Господа прощение”). Вероятно, эти “кануннички” были изобретением раскольников, которые некогда охотно приносили к образам свои кувшинчики и простаивали на молитве с православными всю ночь; обычай ставить кувшинчики перенял и простой народ, однако со временем высшее духовенство строго запретило такие “кануннички”, и они вышли из употребления.

На второй день Пасхи, после литургии, которая кончалась очень рано, иконы несли на “поповку” (место, где расположены дома причта) и, после молебна в доме священника, прихожане обыкновенно получали угощение от своего духовного отца. На “поповку” в этом случае собиралось, как правило, все село; однако священники обычно не скупались на угощение, дорожа расположением прихожан и желая, в свою очередь, отблагодарить их за радушие и гостеприимство. С “поповки” иконы шли по ближайшим и дальним деревням, обходя весь приход, причем каждая деревня заранее предупреждалась, когда к ней “боги придут”, чтобы крестьяне успели приготовиться к торжественному обряду.

Пока духовенство не отслужило в доме молебна, ни хозяин дома, ни его домочадцы ни под каким видом не должны были предаваться никаким праздничным весельям, так как это считалось за большой грех. Но после

того, как “иконы прошли”, в деревне обычно начинался широкий пасхальный разгул. Так, например, обязательным для пасхальных праздников было гостевание - взаимные посещения близких родственников или даже просто друзей, знакомых, соседей и т.п.; повсеместно принято было поздравлять друг друга с Воскресением Христовым, христосоваться и обмениваться крашеными яйцами.

Правда, “гостеванием” занималось преимущественно взрослое население; молодежь же предавалась другим забавам: водила хороводы, затевала игры и т.п. Характерной пасхальной забавой было катание пасхальных яиц по земле или со специальных лотков; во многих местах принято было также устраивать “битки” - битье крашеными яйцами. Во многих местах на Пасху устраивали качели, и при этом для детей их делали во дворах, а на деревенской площади, выгоне или другом открытом месте возводили общественные качели, на которых качались все, но в первую очередь - девушки с парнями. Около этих качелей обычно собиралась толпа народу: девушки и бабы с ребятами, мужики и парни с гармониками и “тальянками” собирались там еще с утра и расходились только к ночи.

Вообще, на Пасху, как и на масленицу, главное внимание уделялось молодежи и молодоженам. Так, например, в молодежных пасхальных хороводах обычно назывались будущие супружеские пары и величались молодожены, поженившиеся в течение последнего года. В последний день пасхальной недели, в первое воскресенье после Пасхи, называемое Радостным воскресеньем или Красной Горкой, односельчане ходили к домам молодоженов и “окликали молодых”, которые за пение и пожелания благополучия выносили им угощение (обычно яйцо, стопку водки и т.п.). Как и на масленицу, на Пасху принято было обмениваться визитами со сватами, с той только разницей, что на Пасху приглашали и будущих сватов, т.е. родня обрученных жениха и невесты пригласила друг друга в гости, причем, как и на масленицу, жениха с невестой во время трапезы сажали на почетное место в красном углу, поили их обоих водкой и вообще делали их центром всеобщего внимания. При этом обычай требовал, чтобы жених ухаживал за невестой, называл ее обязательно на “вы”, по имени-отчеству, или же просто “нареченная моя невеста”; тот же обычай требовал, чтобы он сгребал руками сласти с тарелки и потчевал или девицу. После обеда жених с невестой обязаны были кататься с нею по селу, и при этом непременно обняв друг друга за талию.

Как самый большой и наиболее чтимый христианский праздник в году, Пасха, естественно, группировала вокруг себя целый цикл народных примет, поверий, обрядов и обычаев, причем как христианских, так и языческих по сути. Так, например, весьма распространен был обычай на Пасху звонить в колокол, так как этот звон, по народному убеждению, обладает особой магической силой и способен отгонять нечистую силу и хищников, способствовать плодородию и т.д. В течение всей пасхальной недели, называемой также “звонильной неделей”, любой человек мог подняться на колокольню и звонить в колокола; и на деревенской колокольне в течение пасхальной недели обычно царил столпотворение: едва ли не каждый человек считал обязательным хоть раз позвонить в колокол (хотя со временем этот обычай практически утратил свой первоначальный смысл и повсюду превратился в обычную забаву).

Многочисленные обряды и поверья приурочивались ко всей Светлой седмице, однако наибольшее их количество относилось к самому важному времени Пасхального периода - к первому пасхальному дню и, в особенности, ко времени праздничной пасхальной службы. Так, например, хозяйки во время утрени наблюдали, какая скотина в это время лежит смирно (и, следовательно, “ко двору”), а которая ворочается (т.е. “не ко двору”, пропащая); “шугали” с насеста кур для того, чтобы они не ленились, вставали пораньше и несли больше яиц. В пасхальную ночь и во время заутрени во многих местах принято было ходить к родникам, набирать там воды и молча нести ее домой; считалось, что если принести такую воду домой, не произнеся по дороге ни одного слова, то вода приобретет особую силу, почти равную силе святой воды. Так, например, такой “молчальной” водой кропили дома и амбары для счастья и благополучия, умывались ею для здоровья и т.д.

К первому дню Пасхи во многих местах приурочивалось изгнание из дома клопов и тараканов. Делалось это следующим образом: хозяин, придя домой после обедни, не сразу входил в избу, а предварительно стучался; хозяйка же, не отворяя дверей, спрашивала: “Кто там?” - “Я, хозяин твой, - отвечал муж, - зовут меня Иван. Ну что, жена, чем разговляться будем?” - “Мы-то разговляться будем мясом, сметаной, молоком, яйцами...” - “А клопы-то чем?” - “А клопы клопами!”; считалось, что после этого клопы, подслушав этот диалог, либо испугаются и убегут из избы, либо набросятся друг на друга и сами себя поедят. Существовал и другой, более упрощенный, способ изгнания клопов и всяких паразитов: когда хозяйка шла с обедни с пасхами, какая-нибудь старуха брала веник и кричала: “Прусаки и тараканы и всякая гадина, выходите вон из избы - святая пасха идет!”; это она повторяла три раза, и при этом усиленно мела веником к порогу и трижды махала им за порог. Когда же пасха уже “пришла” на порог, старуха швыряла веник за порог, как можно дальше, и тем самым намечала путь отступления для всякой избяной нечисти.

Свои пасхальные приметы и обычаи имелись у деревенских девушек. Так, например, во многих местах среди девиц существовал обычай в дни святой Пасхи не брать соли, чтобы руки не потели, а также умываться водой с красного яйца, чтобы быть румяными, и притом еще становиться на топор, чтобы быть крепкими. Повсеместно считалось, что если во время праздничной утрени девушка помолится Богу и попросит его послать ей жениха, то ее желание непременно исполнится в самом скором времени. О своей судьбе девицы нередко гадали по обычным "любовным" приметам, веря, однако, что приметы эти на Пасху всегда становятся особенно верными. Так, например, во многих местах считалось, что если девица на Пасху ушибет локоть, то ее непременно вспомнит милый, если в щи ей упадет муха - наверняка жди свиданья, если у нее зачесется губа - не миновать поцелуев, а если зачесется бровь - будет кланяться с милым.

Различных обычаев, приуроченных к первому дню Пасхи, придерживались и люди самых разных профессий. Так, например, при возгласе священника: "Христос Воскресе!" рыбаки говорили: "А у меня рыба есть!", считая, что этим они обеспечивают себе полные сети на весь сезон. Охотники при тех же словах священника стреляли вблизи церковного порога в воздух, полагая, что от этого их ружья будут бить без промаха; кроме того, они строго придерживались правила никогда не проливать ничьей крови в течение всей Светлой седмицы, полагая, что в это время всякая тварь земная вместе с людьми радуется Христову Воскресению и по-своему славит Бога, и любое убийство в это время есть великий грех, за который Бог жестоко накажет (так, например, рассказывали, как один охотник, нарушивший это строгое правило, вскоре нечаянно убил себя на охоте, а другой без вести пропал в лесу, попав в лапы к нечистой силе).

Свои пасхальные обычаи были даже у лихих, нечестных людей. Так, например, воры во время Светлой ночи, и особенно во время пасхальной заутрени, непременно старались украсть хоть какую-нибудь вещь у молящихся в церкви, и притом украсть так, чтобы никому и в голову не пришло подозревать их; считалось, что вор, который сумел удачно "заворовать", будет чувствовать себя в безопасности весь год, так как никто его не смает поймать на воровстве. Игроки в карты и проч., отправляясь в церковь на праздничную службу, клали в сапог монету, в уверенности, что это принесет им крупный выигрыш. Человек же, желавший стать непобедимым игроком, способным наверняка обыграть всех и каждого, должен был совершить особый обряд: идя в церковь, захватить с собой карты, и когда священник, показавшись из алтаря в светлых ризах, в первый раз скажет: "Христос Воскресе", ответить ему: "Карты здесья", когда священник во второй раз скажет: "Христос Воскресе", ответить: "Хлюст здесья", а на третье поздравление священника сказать: "Тузы здесья"; такое святотатство, по мнению картежников, приносит несметные выигрыши, но только до тех пор, пока святотатец не покается.

Кроме того, в праздничную пасхальную службу можно было получить еще и чудесную монету. Так, в некоторых местах верили, что если в Светлую заутреню стать в уголке церкви, держать в левой руке серебряную монету и на первое приветствие священника "Христос Воскресе!" вместо "Воистину Воскресе" сказать "Антмоз маго", то монета в руке получит чудесную силу: считалось, что она может возвратиться к хозяину даже из воды или огня; брошенная же в чужие деньги, она также вернется, и при этом приведет за собой все другие, окружавшие ее монеты.

Особые пасхальные обряды и поверья касались нечистой силы, по народному убеждению, особенно злой в пасхальную ночь. Согласно народным поверьям, в это время всем нечистым духам "солону приходится", так как только ударит в первый колокол к заутрене, бесы немедленно сыплются с колокольни на землю, а как только отойдет заутреня, их немедленно лишают свободы - скручивают их, связывают и даже приковывают на чердаках, колокольнях, во дворах в углу и т.д.; в некоторых местах верили также, что в ночь на Светлое воскресенье всех чертей замуровывают в церковные стены, где они "шустрятся", т.е. возятся и мечутся, но не могут вырваться из тягостного плена. При этом крестьяне уверяли, что прикованных и мучающихся чертей можно слышать, если в пасхальный вечер прийти на то место, где они сидят. Для того же, чтобы увидеть нечистую силу, лишенную в святой пасхальный вечер своей дьявольской силы, следовало пойти в какое-нибудь темное укромное место с той самой свечой, с которой стояли пасхальную утрени; так, например, во многих местах полагали, что на Пасху можно увидеть черта, стоит только подняться на чердак или колокольню со свечой, горящей еще с заутрени. В некоторых местах указывали еще и способ в светлую Христову ночь поглумиться над нечистой силой: выйти с пасхальным яйцом на перекресток дорог и покатить яйцо вдоль по дороге; считалось, что от этого черти непременно выскочат и "пропляшут трепака" (хотя "само собою разумеется, что чертям в эту ночь бывает совсем не до пляски - им в пору бы удавиться, а тут, по капризу деревенского озорника, изволь пускаться в пляс и потешать его").

Примерно в таком же положении, что и нечистая сила, находились на Пасху колдуны и ведьмы. По народному убеждению, в светлую ночь Христову их можно опознать, а следовательно, и защититься от их пагубного влияния, и даже воздействовать на них, лишить их навсегда сверхъестественной силы. Так, например, во

многих местах считалось, что придя на Пасху в церковь в новой одежде, можно увидеть всех колдунов, стоит только во время пасхальной заутрени обернуться и поглядеть на народ: все колдуны будут стоять спиной к алтарю. Если на Пасху принести в церковь специальным образом приготовленный творог или сыр, то, по народному убеждению, можно узнать среди прихожанок ведьм: для этого нужно только, взяв творог в рот, стать у церковных дверей и держаться за дверную скобу; тогда все ведьмы, проходя мимо, покажутся с хвостами. В некоторых местах верили, что если на Пасху поцеловать замок у церкви, то можно увидеть ведьму, и т.д.

Другая большая группа пасхальных обрядов и поверий касалась культа предков. По народным поверьям, с самого первого дня Светлого Христова Воскресения отверзаются райские врата и остаются отверстыми до последнего дня Пасхи, причем их никто не охраняет. В связи с этим в народе царило убеждение, что всякий, кто умрет во время Светлой седмицы, беспрепятственно попадает прямо в рай, какой бы грешник он ни был; поэтому все деревенские старики и старухи, как правило, мечтали как о великом счастье и просили у Бога, чтобы он даровал им смерть именно в Пасхальную неделю. Людей, умерших во время Пасхи, принято было хоронить с красным пасхальным яйцом в правой руке ("Умер на Пасху - и яичко в руку").

С теми же представлениями о раскрытых вратах на "тот" свет было связано поверье о том, что в пасхальную ночь на земле появляются духи умерших, и их можно видеть, общаться с ними и т.д. Так, например, во многих местах верили, что если во время крестного хода, когда все богомольцы уйдут из церкви, спрятаться в храме за алтарем со страстной свечой так, чтобы никто не заметил, можно увидеть, как души умерших соберутся в церковь молиться и христосоваться между собой; однако разговаривать с ними в это время и вообще выдавать свое присутствие в церкви строго воспрещалось, так как человек, нарушивший этот запрет, мог, по поверью, поплатиться жизнью. Для разговоров же с умершими предками предназначалась кладбище.

Общаться с покойниками на кладбище ходили повсеместно, а особенно строго этого обычая придерживались женщины. Существовал даже особый обычай "окликать покойников", которому следовали во многих местах. Так, например, многие крестьянки полагали, что если после причастия в Великий четверг ничего не есть до самого пасхального разговенья, и всю пятницу и субботу провести в молитве и молчании, то можно услышать покойников, стоит только на Пасху, сразу после заутрени, пойти на кладбище и там, помолившись Богу, сотворить три земных поклона, лечь на землю и громким голосом крикнуть: "Христос Воскресе, покойнички!"; тогда-то покойники и откликнутся из земли: "Воистину воскрес!", а уж после этого можно подходить к любой могилке и спрашивать, о чем хочешь - мертвец непременно даст ответ и при этом никогда не соврет, всю правду скажет. Правда, расспрашивать покойников редко кто решался, но поздравить умерших родителей с Пасхой и похристосоваться с ними ходили многие. Так, например, одна старушка-черничка из Пензенской губернии рассказывала священнику: "Я батюшка мой, почитай, каждый год хожу на кладбище и окликаю покойничков, и всегда они мне ответ подают. Только страшно это: покойники говорят подземельным голосом и мурашки по телу у меня так и забегают, так и забегают, как только они голос подадут. Случается, говорят они глухо, тихо, а случается как скажут - словно гром ударил. Только, конечно, к ним, к покойникам-то, надо подходить умеючи, нельзя зря лезть". В некоторых местах схожий обычай соблюдали люди, проклятые покойными родителями: в первый день Пасхи до рассвета ходили на кладбище и просили прощения у отца и матери; считалось, что если в это время в земле раздастся гул, то это означает, что отец или мать простили свое дитя и потому их приняла земля, ранее отвергавшая их за грех проклятия.

Немало пасхальных обычаев и примет было связана с пасхальной освященной едой. Такая еда в народном сознании наделялась сверхъестественным значением и особой силой; по некоторым поверьям, сила ее столь велика, что если обычная домовая мышь заберется на пасхальный стол и съест хоть один освященный кусочек, то у нее немедленно вырастут крылья и она делается летучей мышью (поэтому хозяйки в каждом доме считали своим долгом всю Светлую неделю непременно прятать все освященные продукты так, чтобы ни одна мышь не смогла достать их).

К помощи освященных пасхальных яств православный люд прибегал в трудные и важные минуты жизни; поэтому остатки такой еды (и даже еще не тронутая еда) тщательно сохранялись в каждом доме, иногда в течение целого года, и использовались в самых разных обрядах. Так, например, все кости от пасхального стола (как правило, это были кости освященного в церкви поросенка) принято было тщательно сберегать, чтобы затем часть из них закопать в землю на пашнях, с целью предохранить нивы от градобития, а часть во время летних гроз бросать в огонь, чтобы предотвратить удары грома. Точно также повсеместно сохранялась головка освященного кулича. Когда наступало время сева, хозяин дома вставал на заре, кмывался и молился Богу, а хозяйка покрывала скатертью стол, приносила головку пасхального кулича и ковригу хлеба, ставила соль и, собрав всех домашних, зажигала свечку, после чего все присутствующие клали по три земных поклона и просили у Бога: "Зароди нам, Господи, хлебушка"; затем головка кулича заворачивалась в чистую тряпочку и

торжественно передавалась хозяину, который с ней уезжал в поле и там, на своей ниве, съедал ее, чем, по народному убеждению, и обеспечивал хороший урожай. Вообще же, помимо головки кулича, урожаем могли обеспечить и зерна, во время пасхального молебна стоявшие перед образами; поэтому всякий богобоязненный хозяин, приглашая в свой дом священника “с богами”, непременно просил батюшку окропить ведра с предназначенными для сева зернами святой водой.

Самые сильные магические свойства в народе приписывались освященным крашеным пасхальным яйцам. Крашение яиц было одним из характерных обрядов Пасхи: считалось, что выкрашенное в красный цвет яйцо знаменует собой мир, обагрённое кровью Христа и через это возраждающийся для новой жизни. Впрочем, в крестьянской среде существовало и другое объяснение этому обычаю: “Когда Пилат распял Христа, то апостолы очень испугались, что Пилат и до них доберется, и, чтобы смягчить его сердце, накрашили яиц и принесли ему в подарок, как еврейскому начальнику. С тех пор и пошел обычай красить на Пасху яйца”. В некоторых местах происхождение пасхального яйца объясняли еще и следующим образом: “Перед Пасхой Христос был мертв, а потом в пользу христиан воскрес. Вот и яйцо точно так же: оно мертвое, а, между прочим, из него может живой цыпленок выйти”; обычай же красить яйцо в красный цвет объясняли тем, что “и сама Пасха красная, в священном писании прямо ведь сказано: Пасха красная, праздник из праздников”.

С пасхальным яйцом было связано большое количество обрядов и поверий. Так, например, считалось, что при помощи пасхального яйца души умерших могут получить облегчение на “том” свете: для этого надо только лишь сходить на кладбище, трижды похристосоваться с покойником и, положив на его могилу яйцо, разбить его, крошить и скормить “вольной” птице, которая в благодарность за это помянет умершего и будет просить за него Бога. При помощи пасхального яйца могли получить облегчение от всех болезней и напастей и живые люди: так, считалось, что если яйцо, полученное при христосовании от священника, сохранять на божнице в течение трех и даже 12-ти лет, то оно приобретет такую силу, что стоит только дать его съесть тяжело больному человеку, как всю хворь с него “как рукой снимет”. Пасхальным яйцом хозяйки оглаживали своих коров при первом весеннем выгоне, чтобы с ними не случилось никакой беды. Помогали пасхальные яйца (особенно те, что были получены от священника в церкви) и против пожаров: считалось, например, что если человек, отличающийся своей праведной жизнью, возьмет такое яйцо и три раза обежит горящее здание со словами: “Христос Воскресе”, то пожар сразу же утихнет и прекратится сам собой; но если яйцо попадет в руки человека сомнительного образа жизни, то пожар не прекратится, и в этом случае останется лишь одно средство - бросить яйцо в сторону, противоположную направлению ветра и свободную от строений, и тогда ветер утихнет, изменит направление и сила огня ослабеет настолько, что можно будет с ним бороться своими силами. В некоторых местах прибегали еще и к такому способу: кидали яйцо в пожар, полагая, что оно остановит огонь и уймет его. Повсеместно пасхальные яйца применяли в сельскохозяйственных работах: закапывали их в поле (например, для того, чтобы у льна головки были величиной с яйцо), а также зарывали их во время пасхального молебна в зерна, а затем выезжали с этим же яйцом и зерном на посев, полагая, что этим обеспечивается богатый урожай. Использовали пасхальные яйца и для поисков: так, например, во многих местах с ними искали заблудившуюся скотину, а иногда и клады, так как считалось, что всякий клад охраняет специально приставленная к нему нечистая сила, которая, завидев человека, приближающегося с пасхальным яйцом, непременно испугается и убежит, и тогда клад можно будет легко найти и взять.

Некоторые особые правила касались поедания пасхальных яиц: так, повсеместно запрещалось при еде выбрасывать (а тем более выплевывать) скорлупу яйца за окошко на улицу, потому что на всей Светлой седмице по земле ходит сам Христос с апостолами в нищенских рубищах, и скорлупой, по неосторожности, можно в него попасть. Впрочем, запрет выбрасывать яичную скорлупу за окошко касался не только пасхального периода и объяснялся разными поверьями: считалось, например, что если выбросить скорлупку, то русалки сделают себе из нее кораблик и будут плавать на нем “на зло честному люду”, а если в выброшенной скорлупке скопится вода, то из нее может напиться сорока, отчего человек, выбросивший скорлупку, заболит лихорадкой.

К числу широко распространенных пасхальных обрядов относился народный обычай “хождения волочебников”, схожий с обрядом колядования. Заключался он в том, что с вечера пасхального воскресенья по домам начинали ходить группы людей (волочебников, христованников; предводитель же их именовался починальником), поздравлявших всех с великим праздником Пасхи. Состояли эти группы преимущественно из женщин, хотя в некоторых местах обряд совершали, наоборот, парни и мужчины. Участвующие в обряде собирались со всего села и толпой шли по дворам, из дома в дом, останавливаясь под окнами и распевая обрядовые, так называемые “великоденные” песни. Некоторые из этих песен содержали перечисление основных годовых праздников аграрно-хозяйственного календаря: “Первое свято - Велик Христов день, велик Христов день с красным яичком. Другое свято - Юрий-Егорий: во чистом поле статок пасет, статок спасает, домой гоняет. Третье свято - святой Микола, святой Микола около двора, около двора, кануни варит, коники

глядит. Пятое свято - святой Петр, святой Петр с белым сыром. Шестое свято - Илья Пророк, Илья Пророк по межам ходит, рожь зажинает". Другие песни содержали обычные величальные образы, отражающие богатство крестьянского двора, а также поздравления с Воскресением Христа: "Не шум шумит, не гром гремит, Христос Воскресе Сын Божий! (припев) Шум гремят волочебники - к чьему двору, ко богатому, ко богатому - к Николаеву. Хозяюшко, наш батюшко, раствори окошечко, посмотри немножечко, что у тебя в доме делается" и т.д. Иногда пелось несколько песен различного содержания, причем первая обычно обращалась к хозяину и хозяйке и прославляла их домашнее благоустройство, зажиточность, порядок в доме и благочестие, упоминая, что им сам св. Юрий (Георгий) запасает коров, св. Николай - коней, св. Илья зажинает жниво, Пречистая мать (Успение) - засекает, а Покров собирает и т.д. (после всякой строфы следовал припев "Христос воскрес!").

Обычай требовал, чтобы волочебников по окончании пения награждали деньгами или щедро угощали яйцами, салом, молоком, белым хлебом и т.д. Если же хозяева скупались, то волочебники немедленно начинали отпускать нелестные пожелания в их адрес: "Кто не даст нам яйца - околеет овца, не даст сала кусок - околеет телок; нам не дали сала - коровушка пала" и т.п. К подобным угрозам крестьяне относились со страхом, поэтому волочебников обычно одаривали богато, не скупясь, в уверенности, что от этого зависит благополучие дома и домочадцев. Все собранные волочебниками продукты и деньги шли обычно на специальное пиршество; так, например, в тех местах, где в роли христованников выступали исключительно бабы, пиршество устраивалось также только для женщин, а мужчины на него ни под каким видом не допускались.

На фото: Епископ Барнаульский и Алтайский владыка Максим поздравляет верующих с Пасхой.

Автор: Наталья Шапарова © Babr24.com РЕЛИГИЯ, МИР 👁 5680 03.04.2010, 16:42 📄 760

URL: <https://babr24.com/?ADE=84934> Bytes: 42062 / 41966 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Наталья Шапарова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)